

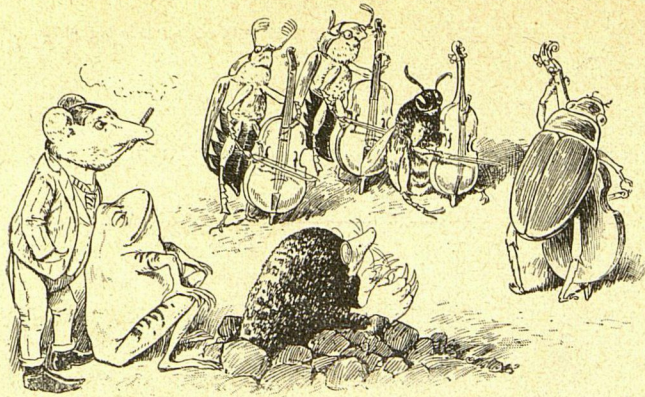

Звѣтлячокъ

1903 г. ◦ годъ II. ◦ № 4.

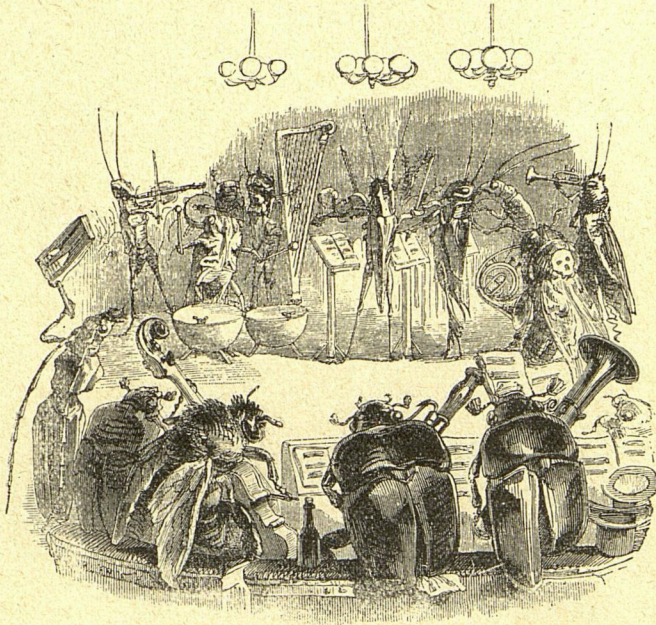
МОЙ ЖУРНАЛЪ.

Балъ у свѣтлячка.

Жиль-быль однажды скромный свѣтлячокъ,
Въ глуши лѣсной, въ травѣ густой, шелкѣвой,
Трудился онъ въ тиши безъ усталы, какъ могъ,
Другимъ помочь всегда готовый.
И каждый вечеръ онъ фонарикъ зажигалъ,
И освѣщалъ блуждающимъ дорогу...
Бѣжала мышь, ползъ жукъ, кузнечикъ ли шагаль,—
Всѣмъ помогаль свѣтлякъ охотно понемногу.
И, наконецъ, свѣтлякъ устроилъ какъ-то балъ,—
И собрались къ нему со всей округи гости...
Всякъ о хозяинѣ по-свойски разсуждалъ,
Кто такъ, спроста, а кто—со злости.
Балъ былъ хорошъ,—сто-сорокъ свѣтлячковъ,
Какъ лампами, травинки унизали,
Оркестръ играть безъ усталы готовъ,
И до упаду гости танцовали...
Но мышь ворчала такъ:—„Была я у людей,—
Такъ лампы тамъ куда свѣтлѣе“...

— Ну, а луна?—воскликнулъ хоръ червей.
 — „А солнце?“—бабочка шепнула посмѣлѣе...
 И огорчился бѣдный свѣтлячокъ,
 Все только слыша осужденья,
 И долго одолѣть тоски своей не могъ,
 И сталъ роптать, что мало въ немъ умѣнья...

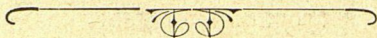
— „Позвольте!—жукъ-рогачъ угрюмо проворчалъ,—
 Разъ темной ночью онъ помогъ найти дорожку“.
 — „Да, да,—кузнечикъ прошепталъ,—
 Когда я вывихнулъ себѣ однажды ножку
 И брошенный во тьмѣ лежалъ,—
 Свѣтлякъ мнѣ освѣтилъ росинку надо мною!..“
 Свѣтлякъ сидѣлъ вдали и слушалъ, и молчалъ,
 Охваченный глубокою тоскою...

Но съ той поры въ кустахъ онъ зажигалъ
Попрежнему фонарикъ аккуратно,
И мыслей горестныхъ не зналъ,
Но зналъ, что помогать другимъ пріятно.

Онъ признавалъ свой слабый огонекъ,
Безсиліе свое съ свѣтилами въ сравненьи,
Но зналъ, что кой-кому свѣтилъ онъ все же впрокъ,
Что хоть кому-нибудь онъ въ малости помогъ,
И видѣлъ счастье въ томъ свое и утѣшенье...

«СВѢТЛЯЧОКЪ».

„Кудлашка занимается“.

Такъ и надо.

— Такъ!.. Такъ!.. Такъ!..—громко, отчетливо, какъ въ трубу, выговаривалъ гусакъ и, гордо раскачиваясь, съ головой чуть не подъ самыми небесами, неся впереди своей стаи.

— Такъ и надо, такъ и надо!—суетливо поддакивали ему гусыни, потряхивая хвостиками и извивая свои длинные, змѣевидныя шеи.

Желтые, словно бархатные гусенята, думали, что говорятъ и то, и другое, но на самомъ дѣлѣ только пищали себѣ во всю глотку кому и какъ пришлось:

— Такъ!.. Такъ!.. Такъ и надо!.. Такъ!.. Такъ и надо!.. Такъ!.. Та-а-къ!.. Та-а-а-къ!..

Вотъ вся эта пестрая, сѣробѣлая кучка пронеслась по сельской улицѣ, свернула въ ого-

роженный плетнемъ переулочъ,—дальше, дальше,—и пропала, спустившись подъ гору.

Впрочемъ, нѣтъ,—не вся: вонъ одинъ изъ гусятъ что-то застрялъ въ переулкѣ.

Знаю я его,—большой онъ руки баловникъ, всегда найдетъ случай повозиться.

Чѣмъ же, однако, теперь онъ такъ увлекся?..

Ба!.. Да вѣдь надъ нимъ рой мошекъ толчется,—вонъ такъ и золотится на солнышкѣ.

Ну, еще бы,—мошки куда какъ заманчивы,—развѣ можно не поохотиться за ними?

Только, кажется, совершенно напрасно хлопочетъ гусенокъ,—мошки тоже не дуры, держатся какъ разъ на той высотѣ, до которой гусенку ни за что не допрыгнуть.

Его же, глупыша, онѣ, видно, нарочно поддразниваютъ.

Эхъ, братъ, попритихни ты на минутку да прислушайся-ка лучше къ пѣсенкѣ, подъ которую мошки и сами пляшутъ и тебя заставляютъ плясать.

— Дзнь... дзнь... мало каши ѣлъ... дзнь... дзнь... лапки коротки!..

Но гусенокъ не слушаетъ. Гдѣ тутъ среди такой возни!..

Извольте-ка полюбоваться, какимъ онъ стра-

шилищемъ взлетываетъ въ воздухъ.—Соколы, орелъ, да и полно!..

Ишь его, ишь его! Ну-ка еще разикъ, еще разъ!..

Ахъ!.. это зачѣмъ же:—остушился, упалъ,—брыкъ на бочокъ, закрылъ глазки и запищалъ-запищалъ...

Бѣдненькій! надо полагать, сильно-таки ушибся. И вѣдь одинъ-то одиначенекъ, какъ ни надрывай горлышка, никто не придетъ на помощь. Какъ же тутъ быть?

Покричалъ, покричалъ гусенокъ, и надоѣла ему, наконецъ, самому эта его собственная музыка, открылъ глазки, оглянулся,—никого-то вокругъ, только мошки надъ нимъ толкуются и посмѣиваются:

— Дзнь... дзнь... мало каши ѣлъ... дзнь, дзнь... ротозѣюшка!..

И что же?—Вскочилъ гусенокъ на ножки, ударилъ себя крыльями по бокамъ и давай хлопать.

Не чудачокъ ли? — Лежитъ себѣ на бочку въ полномъ одиночествѣ и самого себя жалобить!..

А тамъ какъ припустится бѣжать,—только лапки засверкали.

А съ горы такъ прямо кубаремъ покатился.
Молодчина же ты, гусенокъ!

Вотъ ужъ и семейку свою догоняетъ.

— Такъ! Такъ!.. Такъ и надо! Такъ... Такъ и надо!..

То-то, поди, сейчасъ распотѣшить всѣхъ,
разказавъ всю свою исторію.

Но нѣтъ, выходитъ что-то совсѣмъ не то:
чуть сталъ подбѣгать къ первой тетенькѣ,
поджалъ одну ножку, крылышками зашарахалъ,
а тамъ и брякъ на травку... Растянулся и да-
вай опять вопить.

Что же, теперь ужъ, должно быть, и въ са-
момъ дѣлѣ сильно ушибся?..

Да ничуть же!.. Вѣдь стòитъ только при-
слушаться къ тому, что онъ тамъ вскрикиваетъ
среди писка:

— Бросили... одинѣхонька... на смерть пе-
репугался... разбился весь со страстей... а-а-а...
у-у-у!..

Матушка съ тетушками такъ и вьются во-
кругъ него, приподымають его носиками, по
головкѣ поглаживаютъ:

— Миленькій, не плачь... Голубчикъ, мигомъ
вылѣчимъ!..

А онъ-то знай надсаживается,—прямо вотъ изъ всѣхъ силъ старается.

Что же, и то сказать: теперь ужъ не попусту голосъ тратить, есть кому послушать, есть кому и пожалѣть, и утѣшить.

— Такъ! Такъ! Такъ!..—отчеканиваетъ папашенька.

— Такъ и надо! Такъ и надо! — подтверждаютъ всѣ гусынюшки.

Ну? Да неужели же и это такъ и надо?..

— Такъ, такъ, такъ!..

Да?.. Ну, вамъ, видно, лучше знать: гусито, вѣдь,—вы, а не я.

Такъ—такъ и такъ, а не мнѣ васъ перетакивать!

Наортачился гусенокъ до сыта, а тамъ захотѣлъ пить и пошелъ себѣ на прудочекъ.

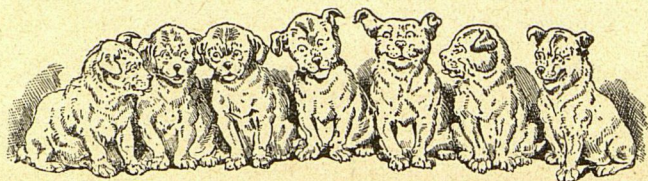
Зашлепала за нимъ и вся семейка.

— Такъ, такъ, такъ!..

— Такъ и надо, такъ и надо!..

Ну, и ладно, и проходите себѣ! надоѣли!..

Е. Гославскій.

МАТЬ.

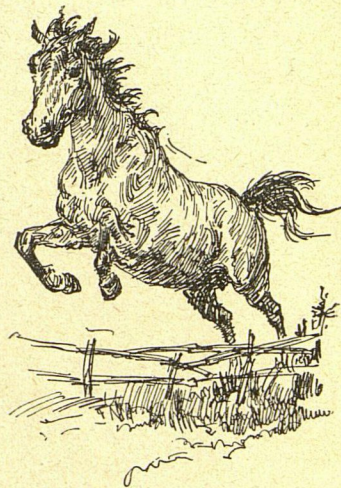
РАЗСКАЗЪ ОХОТНИКА.

У насъ лошади такія ручныя, что мы смотримъ на нихъ, какъ на своихъ друзей. А въ чужихъ земляхъ, въ степяхъ — лошади водятся дикія. На нихъ охотятся, какъ на дикихъ животныхъ, — ловятъ арканами, потомъ приручаютъ ихъ и ѣздятъ, и работаютъ на нихъ.

Вотъ я разъ охотился на лошадей. Ёхалъ я верхомъ, вижу, — вдали дикая лошадь пасется, а рядомъ съ ней — жеребенокъ. Я и погналъ на нихъ, а самъ арканъ держу на-готовѣ. Увидала меня дикая лошадь, заржала и бросилась съ своимъ жеребенкомъ бѣжать.

А вблизи были утесы, камни и лѣсъ. Вотъ лошадь загнала въ ущелье жеребенка, спрятала его тамъ, а сама выбѣжала въ степь, да прямо на меня и понеслась. Потомъ бросилась въ сторону, я — за ней. Понялъ я, что она хочетъ отвести меня отъ жеребенка въ сторону. Лошадь была хорошая, красивая, — я и погнался за ней.

Вдругъ слышу, — ржетъ жеребенокъ жалобно; остановилась моя бѣглянка, заржала въ отвѣтъ. Потомъ стала на дыбы, круто повернулась назадъ, словно и про меня забыла и бросилась къ дѣтенышу.

„Что, думаю, за диковина?..“ Поднялъ глаза и вижу,—кружится надъ утесомъ огромный орелъ, да все ниже и ниже опускается, вѣрно, хочетъ напасть на жеребенка.

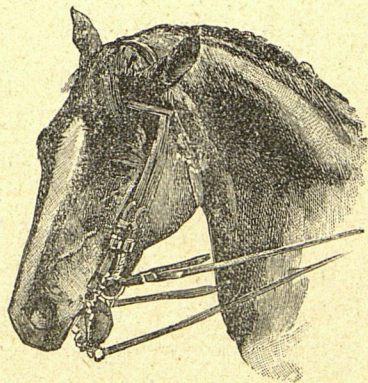
Подскакалъ я къ ущелью.

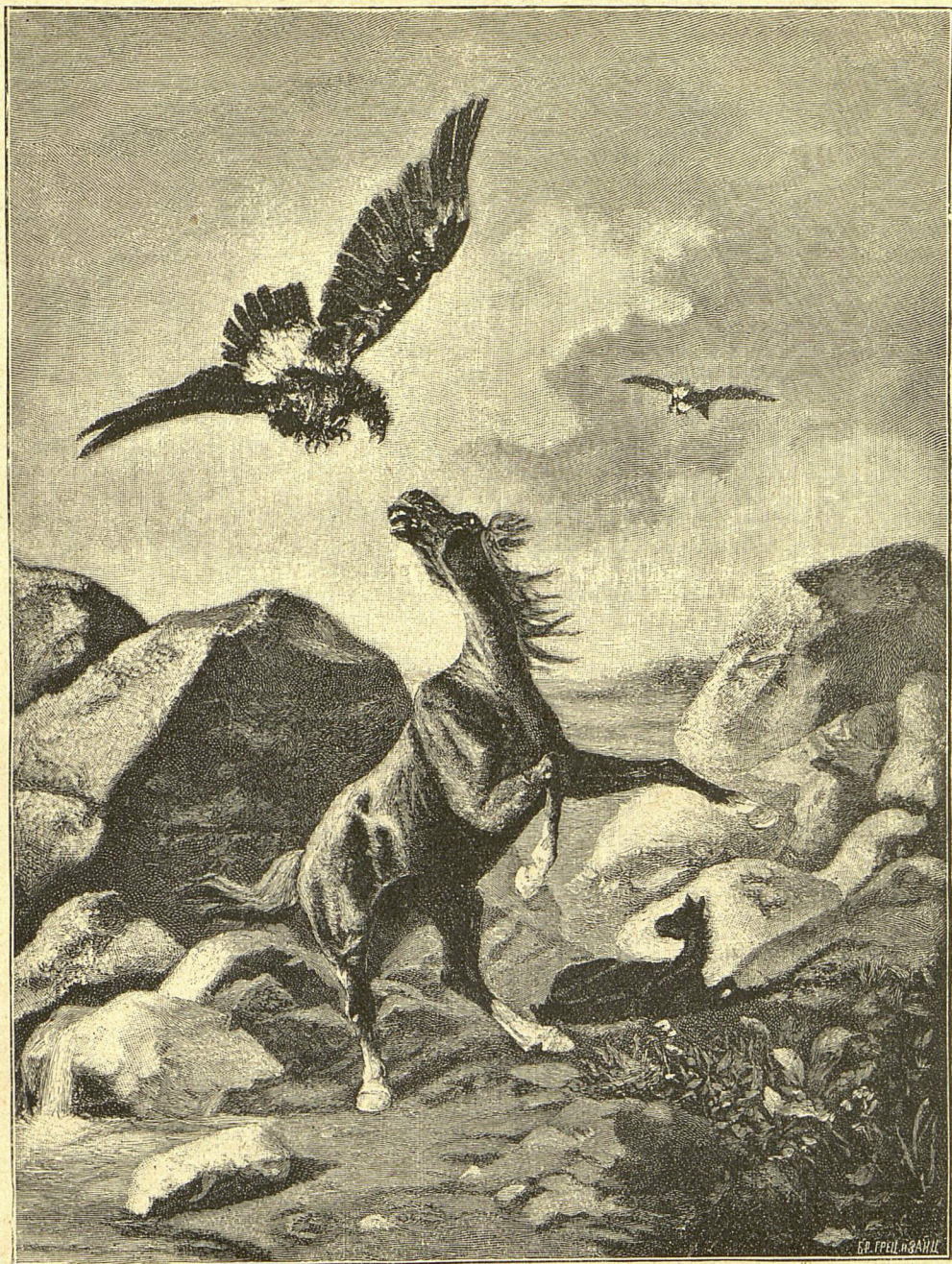
Точно. Лежитъ жеребенокъ, а надъ нимъ орелъ кружится. А мать надъ дѣтенышемъ такъ и суетится. На дыбы встаетъ, топаетъ копытами на коршуна, землю роетъ, шелкаетъ зубами вся въ мылѣ; глаза красные, дикіе... И жалъ мнѣ стало бѣдную лошадь. Страшенъ человекъ для нея,—а она и меня забыла защищая дѣтеныша.

Совѣстно мнѣ стало,—я прицѣлился въ орла и выстрѣлилъ. Видно, я только ранилъ орла, потому что орелъ вскрикнулъ и полетѣлъ прочь, съ трудомъ махая крыльями и опускаясь къ землѣ все ниже и ниже.

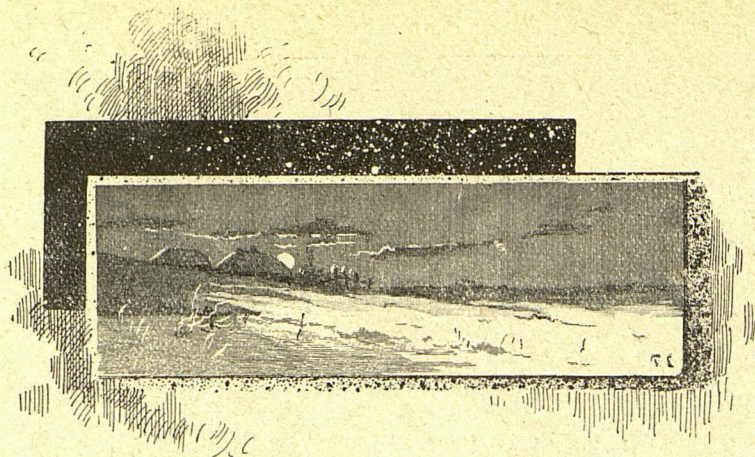
А я повернулъ своего коня домой и поѣхалъ во-свои, оставивъ и мать, и дѣтеныша въ покоѣ.

С. Томилинь.

Матъ.

На снѣгу.

(Постройка и лѣпка фигуръ изъ снѣга).

Послѣ хмурой и дождливой осени, какое отрадное чувство охватываетъ васъ, когда, проснувшись и взглянувъ въ окно, вы видите

По утру поблѣвшій дворъ,	Сорокъ веселыхъ на дворѣ
Куртины, кровли и заборъ;	И мягко усталныя горы
На стеклахъ легкіе узоры,	Зимы блистательнымъ ковромъ.
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,	Все ярко, все бѣло кругомъ...

Но въ городѣ люди преслѣдуютъ снѣгъ, и его вывозятъ за городъ. Зато за городомъ, въ поляхъ и лѣсахъ онъ одѣваетъ нѣжно своимъ бѣлымъ, пышнымъ покровомъ озябшую и обнаженную землю, и подъ этимъ покровомъ, защищенные отъ холоднаго вѣтра и мороза, сохраняются посѣвы, травы, мелкія растенія; снѣгъ предохраняетъ отъ гибели даже молодыя деревья, закрывая ихъ корни. Снѣгъ и морозъ дѣлаютъ проходимыми зимою такія мѣста, гдѣ лѣтомъ нельзя ни пройти, ни проѣхать,—топи, болота, тундру, по нимъ люди могутъ ѣздить на лыжахъ и легкихъ санкахъ.

Какъ хорошъ снѣгъ въ поляхъ, какъ хорошъ онъ въ хвойныхъ лѣсахъ, нависшій пушистыми шапками на мохнатыхъ, темно-зеленыхъ вѣтвяхъ елей и сосенъ!

Снѣжная зима представляла для насъ въ дѣтствѣ не менѣе радостей и утѣхъ, чѣмъ лѣто. Насъ было трое друзей-однолѣтокъ, проводившихъ вмѣстѣ все свободное отъ ученія время: лѣтнія каникулы, праздники, Рождество и Пасху. И какъ только наступала осень, мы уже съ нетерпѣніемъ ждали зимы и снѣга.

И когда она наступала, мы въ праздники ѣхали всей компаніей въ нашъ загородный лѣтній домъ,

въ которомъ зимоваль сторожъ со своей женой и сыномъ, и тамъ, на свободѣ,

пользовались всѣми прелестями зимы. Лыжи, костеръ въ лѣсу, война въ снѣжки... Когда мы были помоложе, то военныя дѣйствія на снѣгу были у насъ въ большомъ ходу. Строились снѣжныя крѣпости и баррикады, и начиналась канонада... Снѣжныя ядра летѣли изъ крѣпости въ крѣпость, не причиняя, впрочемъ, послѣднимъ особаго вреда; самымъ удачнымъ выстрѣломъ считался тотъ, который попадалъ защитникамъ крѣпости за „шиворотъ“ и заставлялъ его долго отряхиваться. Послѣ усиленной перестрѣлки кто-нибудь изъ воображаемыхъ противниковъ дѣлалъ вылазку, врывался на баррикады или въ крѣпость, разрушалъ ее припасенными лопатками, несмотря на отчаянное сопротивленіе защитниковъ, и затѣмъ побѣдители и побѣжденные, раскраснѣвшіеся и отдувающиеся отъ быстрыхъ

движеній, шли въ теплую сторожку дворника Архина и съ аппетитомъ принимались за привезенныя изъ дому закуски.

Но въ послѣдствіи эти воинственные забавы уступили мѣсто другимъ занятіямъ и играмъ.

Разъ мы прочитали, что нѣкогда, въ прежнія времена, въ Петербургѣ на Невѣ построили ледяной домъ. Домъ былъ выстроенъ изъ плитъ чистаго льда, положенныхъ одна на другую и для связи политыхъ водой; онъ имѣлъ восемь сажень въ длину, двѣ съ половиной въ ширину и три въ вышину. Впередѣ дома стояло шесть ледяныхъ пушекъ; у главныхъ воротъ—два дельфина, изъ пасти которыхъ била горящая нефть. Кровля дома была украшена ледяными статуями. Вся мебель и утварь дома также было сдѣлано изъ льда. По сторонамъ его были воздвигнуты высокія пирамиды съ часами и фонарями на окнахъ; вблизи помѣщались ледяной слонъ, изъ хобота котораго билъ горящій фонтанъ нефти, и ледяная баня, которую топили соломой.

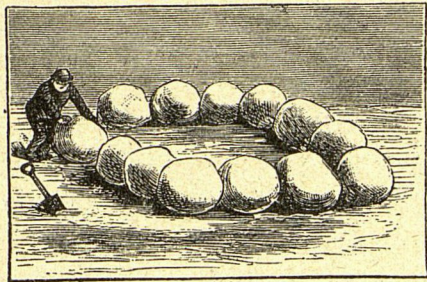
Съ тѣхъ поръ мы стали мечтать о сооруженіи чего-нибудь изъ снѣга, такъ какъ льдомъ мы не могли воспользоваться; вотъ мы и порѣшили соорудить себѣ снѣжный домикъ.

Время стояло нехолодное, снѣгъ былъ мягкій и хорошо скатывался въ комья, тогда какъ въ морозы онъ дѣлается какимъ-то сухимъ и разсыпчатымъ, и изъ него не скатаешь и простого снѣжка.

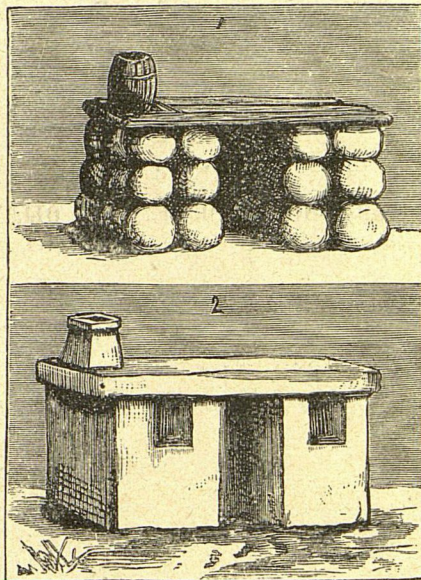
Задумано,—сдѣлано; но не сразу удалось намъ построить себѣ снѣжный домикъ. Послѣ ряда неудачъ, которыя дали намъ, впрочемъ, опытъ, мы пришли къ слѣдующему: надо строить стѣны не изъ цѣльнаго снѣга, который не выдерживаетъ тяжести крыши, а изъ отдѣльныхъ снѣжныхъ катышей, которые гораздо плотнѣе обыкновеннаго снѣга. Такъ мы и поступили.

Расчистили на дворѣ мѣстечко, утоптали снѣгъ и стали дѣлать катыши. Всѣ четверо катили въ разныхъ направленіяхъ каждый свой катышъ, оставлявшій послѣ себя въ снѣгу глубокую борозду.

Съ каждымъ оборотомъ катыши увеличивались въ объемъ; и работники пыхтѣли и отдувались, переваливая эти снѣжные шары. Въ концѣ концовъ прикатали свои катыши къ площадкѣ. Затѣмъ принялись скатывать новые, а потомъ стали возводить стѣны: сначала положили крупные катыши; на каждый изъ нихъ взгромоздили общими усиліями еще по такому же катышу, послѣ чего маленькими катышами стали залѣплять впадины, обтесы-

вать и ровнять стѣны снаружи и изнутри лопатками. Крышей намъ послужила старая дверь отъ чулана; мы покрыли ею стѣны; въ двери мы пробили отверстіе, а сверху на это отверстіе поставили старый же боченокъ безъ дна; затѣмъ крышу покрыли ровнымъ слоемъ снѣга, а боченокъ облѣпили снѣгомъ, наподобіе дымовой трубы. Края входа выровняли лопатками, пробили въ задней глухой стѣнѣ два отверстія и одно — во входномъ простѣнкѣ и сдѣлали эти отверстія квадратными; это были оконца. Внутри было очень тѣсно, и всѣ четверо могли помѣститься въ домикѣ съ трудомъ, тѣмъ не менѣе мы чувствовали въ немъ себя превосходно. Для бѣльшей крѣпости стѣнъ, мы полили ихъ водой, и стѣны покрылись ледяной корой. Мы ликовали, — домъ вышелъ на славу, — только холодовать немного.

— А что, если мы его вытопимъ,—предложилъ кто-то,— да стекла въ окна вставимъ—въ немъ будетъ тепло!..

Это было такъ похоже на шутку, что все мы расхохотались. Топить снѣжный домъ,—этого неоставало!

Но мы все-таки ухитрились устроить въ домикѣ очагъ. Внутри на выступѣ одного изъ нижнихъ катышей, какъ разъ подъ трубой, мы положили дно отъ боченка, а на него поставили старый противень. За топливомъ дѣло не стало: у Архипа была принесена цѣлая куча хвороста, который онъ со своимъ сыномъ Алешей набиралъ по осени въ лѣсу. Натаскали мы изъ кучи мелкихъ хворостинокъ, наломали ихъ и устроили маленькій костеръ на противнѣ. Огонекъ сталъ весело потрескивать, и скоро сизый дымокъ взвился надъ кровлей нашего снѣжнаго домика, выходя сквозь отверстіе дымовой трубы-боченка. Правда, отъ жара стѣна около очага немного таяла, но мы защитили ее отъ огня досками. Огонь мы разводили небольшой, и домикъ не столько согрѣлся, сколько закоптился внутри, но это только придавало ему въ нашихъ глазахъ болѣе „жилой“ видъ. А оконныя стекла мы вытесали изъ прозрачнаго льда. Понятно „стекла“ эти были толсты, грубы и неровны, но все-таки они пропускали свѣтъ. Входъ же въ домикъ мы завѣсили рогожей. Такъ обзавелись мы своимъ домкомъ.

Уѣзжая, мы поручили Алешѣ присматривать за нашимъ сооруженіемъ, чѣмъ онъ былъ крайне доволенъ, потому, что самъ участвовалъ въ его постройкѣ.

В. Поповъ.

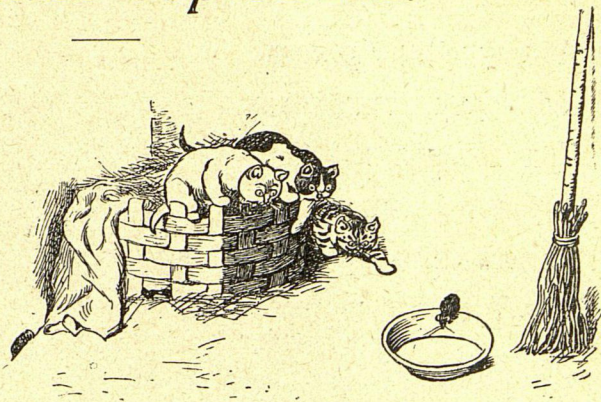
(До слѣдующей книжки.)

Потѣшныя странички.

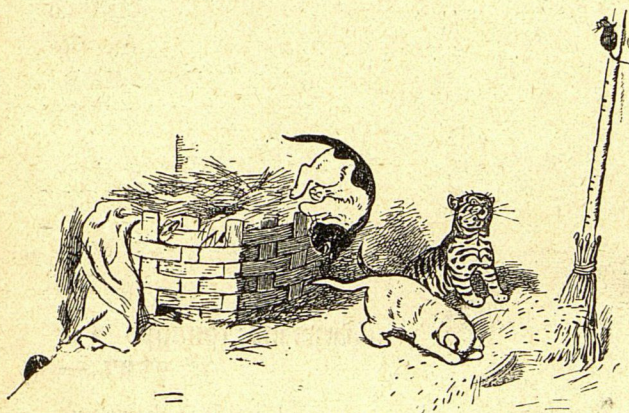
Хитрая мышь.

Напокались молока
Три котенка вволю...
Мышь ползетъ изъ
 уголка
За своею долей.

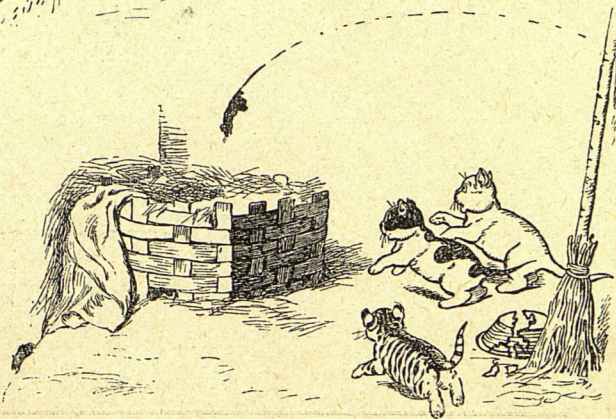
1.

Какъ котята завопятъ,
Къ плошкѣ—скокъ
 сразмаху,
Только черепки звенять,
Брызги въ сторону
 летятъ,—
То-то мышкѣ страху!..

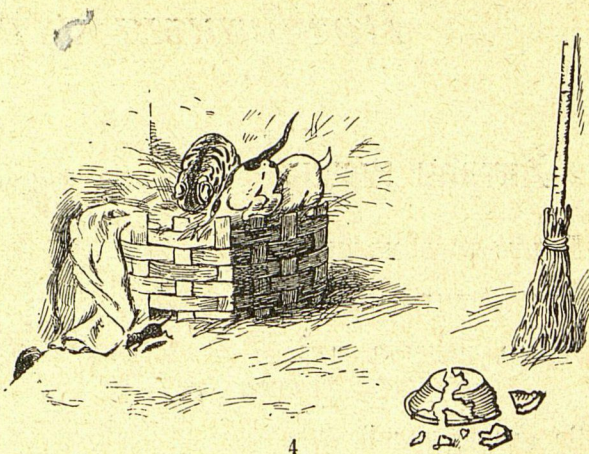
2.

На метелку взобралась
Мышь и прыгъ въ
 кошелку,

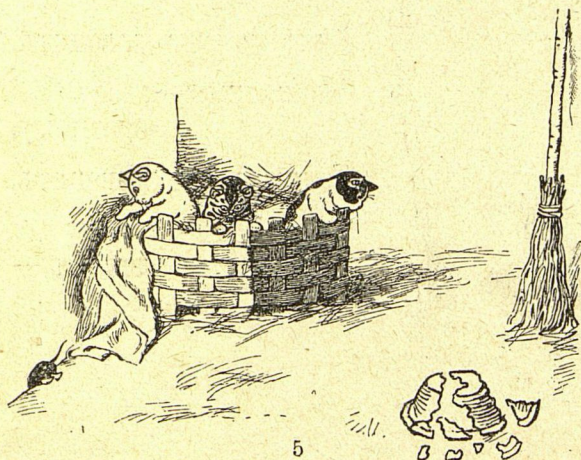

3

А оттуда пробралась
Въ норку втихомолку.
Три котенка ворошатъ
Торопливо сѣно
И досадливо урчатъ:
— „Тутъ ты непре-
мѣнно!“

4

5

Дразнить мышъ ихъ
между тѣмъ:

— „Вы жадны не-
множко,

„Вы боялись,— я все
сѣмъ,

„Сами вы теперь ни
съ чѣмъ,—

„И разбита плошка“.

А. Доровъ.